

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРЫМЧАКОВ

Приверженность к иудаизму, по мнению ряда авторов, является основным критерием определения еврейского этноса (1, с. 297; 2, с. 6-11; 3, с. 16; 4, с. 29-31). Несмотря на то, что со времен античности известны факты пополнения еврейских общин в диаспоре за счет прозелитов (5, с. 98), в ряде публикаций поддерживается точка зрения о моноэтническом характере иудаизма (6, с. 54). При этом игнорируются и современные реалии существования разноэтнических иудейских групп (7, с. 33)¹.

На территории бывшего СССР имеются, по крайней мере, три этнических общности, не включая русских геров (8), представители которых обладают устойчивым нееврейским этническим самосознанием и при этом исповедовали в прошлом и исповедуют в настоящем иудаизм или караимизм (9, с. 109-112; 10, с. 5-35; 11, с. 170-172; 12, с. 165-181; 13, с. 193-198; 14; 15; 16; 17). Однако, при рассмотрении проблем истории этих общностей большинством исследователей не принимается во внимание исторически обусловленный фактор их самоидентификации, постулируется тезис о национальном характере иудаизма. Вопросам конфессионального сознания и этнического самосознания крымчаков посвящена настоящая статья

Сравнительно небольшая общность крымчаков, чей этноним впервые упомянут в официальных документах Российской империи в начале второй половины XIX в. (18), по переписи СССР 1989 г. насчитывала 1448 человек, из которых 604 проживали в Крыму. Группа этих последователей раввинистического иудаизма до присоединения Крыма к России в 1783 г. проживала компактно в г. Карасубазаре (ныне г. Белогорск). По оценочным данным, к этому времени их насчитывалось около 800 человек (19, с. 82). Этническая история крымчаков изучалась весьма поверхностно, и порой, односторонне. Прежде всего, обращавшимися к этой теме узко трактовалась принадлежность небольшой группы людей к ортодоксальному иудаизму (12). Но уже при ознакомлении с исполнением культовых потребностей крымчаками появились вопросы, на которые авторы не могли ответить однозначно. Первый исследователь крымчакской этнографии П. М. Лякуб с середины XIX в. отмечал, что крымчаки далеки от Талмуда (20, с. 7), а быт, нравы и обычаи, в которых он не находил еврейских черт, объяснял татарским окружением (20; 21, с. 2). Сами же крымчаки приводили ряд противоречивых преданий, объяснявших их появление на крымской земле.

Позднее, к концу XIX - началу XX в., в печати стали появляться материалы, проливающие свет на этническую и конфессиональную историю крымчаков. Авторы, обращавшиеся к историческим фактам в связи с еврейско-караимской

¹ В самиздатской статье М. Кана, хранящейся в фонде Л. И. Кая архива Бахчисарайского историко-архитектурного заповедника, приведены данные о маргинальных иудейских группах: чуэтоэ Балейских островов, марранов Португалии, денме Греции и Турции, джедидов Мешхеда Ирана, чала Средней Азии, геров СССР, саббатариан Румынии, новых евреев Италии, черных евреев США, африканских евреев Уганды, восточно-европейских караимов СССР.

полемикой о рукописях, собранных караимским просветителем А.С.Фирковичем, А.Д.Хвальсон, А.Я.Гаркави, Э.Дейнард и другими, ввели в научный оборот новые документы, хранившиеся в крымчакской общине Карасубазара (12). Так были опубликованы приписки-эпиграфы к "Книге больших и малых пророков", датированной 847 г. Одна из них приводит тюркские имена владельцев - Сеида и Айбета (22, с. 181-194), что позволило Э.Ренану высказать мысль об иудеях Крыма как о тюрко-хазарских потомках (23, с. 53), а другая, прочитанная и изданная К.Б.Старковой: "Это я, Исхак, писарь кагана писал" (24, р. 38), делает предположение французского мыслителя более убедительным.

А.Я.Гаркави опубликовал перевод введения к "Ритуалу Каффы", так называемой "Хазании", крымчакского просветителя начала XVIII в. Д.Лехно, в котором он излагал свои взгляды на происхождение крымчаков (25, с. 230-232). Понять это введение и смысл работы по подготовке и изданию "Ритуала Каффы" (опубликовано в 1737 г.) помогают переводы глав другого сочинения Д.Лехно, в котором содержались сведения о крымчаках Карасубазара (23, с. 130). При сопоставлении этих источников можно получить сведения о состоянии религиозного сознания крымчаков в XV-XVIII вв. Д.Лехно сообщает, что община иудеев Крыма сформировалась из евреев - изгнанников Ирана и Византии. Со времени завоевания Крыма Турцией (1475 г.) община пополнилась генуэзскими евреями, оставшимися в Крыму после падения генуэзских колоний, и евреями, изгнанными из Киева в 1495 г., во главе которых был раввин Моисей Га-Голе. Все эти общины находились в Каффе (Феодосии). Вскоре между ними наметился раскол, ибо представители каждой группы молились по своим ритуалам. Стараниями М.Га-Голе в 1518 г. был создан единый для всех ритуал - "Ритуал Каффы" - и выработаны 18 установлений, обязательных для исповедующих иудаизм по данной традиции. По словам Д.Лехно, воедино были слиты и представители древней иудейской общины, и вновь прибывшие. Главным условием для вступающих в новое религиозное братство, на которое указывает автор "Введения", был запрет нарушения обычаев общины, молиться же каждой группе позволялось по своим традициям (25, с. 230-232). Но уже через 200 лет после создания "Ритуала Каффы" Д.Лехно стал очевидцем того, как изменилась эта религиозная община иудеев Крыма. Вот как представлено это в книге И.Берлина (23, с. 130) со ссылками на исторический труд Д.Лехно "Дебар сефасаим": "Наиболее многочисленна была группа лиц, принадлежавших к массе, язык которой даже не всегда им был понятен, особенно язык арамейских молитв. В интересах этих лиц были введены редактором в ритуал переводы арамейских, а также трудных для понимания молитв на разговорный язык крымских евреев, а молитвы, обязательные для женщин, были все без исключения переведены на туземный язык. Составитель ритуала постоянно жалуется, что и после этого масса относилась к молитвам лишь внешним формальным образом и, не стараясь вникать в смысл последних, перескакивала с одной молитвы к другой (дабы скорее отделаться от них). Для внедрения в сознание народных масс начал благочестия уже в раннее время был введен обычай произносить по субботам проповеди на туземном языке, в которых местный хахам объяснял народу значение молитв, праздников и важных исторических событий (23, с. 130). Приведенный комментарий позволяет сделать вывод о том, что религиозное сознание крымчаков определялось более традицией, чем искренней верой. Поэтому и существовала необходимость в деятельности просветителей подобных Д.Лехно, реставрировавшего "Ритуал Каффы" в первой половине XVIII в.

После присоединения Крыма к России крымчаки попали под действие Российского законодательства о евреях (12), однако выхлопотали право самостоятельного решения своих религиозных проблем вплоть до конца XIX в. (21, с. 12-13)². В 1866 г. они пригласили из Турции раввина Х.Х.Медини, который стал их религиозным главой-хамамом на 30 лет. Он попытался заменить прежний религиозный ритуал крымчаков на сефардский, однако эта реформа не получила поддержки верующих, продолжавших придерживаться "Ритуала Каффы" как при миссии Х.Х.Медини, так и после его отъезда в Иерусалим в 1899 г. (27, р. 381).

В начале XX в., когда религиозная община крымчаков согласно новому законодательству попадает под юрисдикцию еврейского духовного Правления, происходит неизбежный скандал, отголоски которого попали на страницы российской еврейской прессы. Суть происшедшего состояла в том, что один из крымчаков, получивший духовное образование, позволил себе во время религиозного праздника, проходившего в молитвенном доме крымчаков, выступить с пояснением сути праздника и переводом молитв на родной язык. Однако против этого возразил староста молитвенного дома, получивший поддержку казенного раввина г.Симферополя. В своем письме руководству молитвенного дома казенный раввин г.Перельман сообщал, в частности, следующее: "1)... знание древнееврейского языка слабо распространено не только среди крымчаков, но и прочих евреев, тем не менее нигде, то есть ни в одном молитвенном доме, не принято переводить молитвы на разговорный язык. Всюду и везде евреи согласно древнего установления молятся в синагогах и молитвенных домах на древнееврейском языке, а поэтому желание Ваше выступать в праздничные дни с переводом молитв перед обществом прихожан во время богослужения противоречит древним установлениям и обычаям" (28, с.209). Эта цитата как нельзя лучше иллюстрирует разницу между крымчацким и еврейским религиозным сознанием и позволяет понять крымчаков Феодосии, покинувших свой древний молитвенный дом, занятый евреями, и вынужденных на скудные общинные средства построить себе новый в 1912 г.³.

Молитвенные дома крымчаков были закрыты в конце 20-х гг. XX в. Однако религиозное сознание на бытовом уровне сохранялось у пожилых людей, продолжавших соблюдать некоторые конфессиональные традиции.

После окончания Великой Отечественной войны, унесшей до 80% крымчацкого населения (30, с. 204), оставшиеся в живых обратились к администрации Крымской области с просьбой об открытии своего молитвенного дома. Но

² О.М.Лернер в 1901 г. сделал следующее замечание относительно крымчаков: "... крымчаки, или так называемые турецкие евреи, занимают совершенно изолированное место и если чем-нибудь выделяются, то только тем, что они с особым упорством отстаивали свою самобытность и поныне ведут замкнутую жизнь, чуждую всем преобразовательным течениям первой половины истекшего века" (26, с. 142).

³ С приходом в Крым в XIX в. европейских евреев крымчаки были практически вытеснены из древнего молитвенного дома (Къаал) Феодосии. Вот что писал об этом казенный раввин г.Феодосии Г.А.Фарфель: "По вине польских и русских евреев, не сумевших оценить памятных реликвий этой синагоги, в том месте, где находились камни с вырезанными словами, были возведены подмостки, по которым поднимаются в особо торжественные случаи в женское отделение и, таким образом, исчезла часть надписи. Вообще, появившиеся евреи потрудились много на изменение вида синагоги и на уничтожение всяких ценных вещей. Так, благодаря им была возведена внутри здания галерея для женщин, отчего синагога с внутренней стороны приобрела совершенно чуждый ей характер, напоминая синагоги новейшего типа в других больших русских городах" (29, с. 69-70). О строительстве первого крымчацкого молитвенного дома в Феодосии свидетельствует открытка-приглашение в день открытия в 1912 г. Хранится в личном архиве Б.М.Ачкинази.

в этом им было отказано, а мотивировкой послужило существование еврейской синагоги в г.Симферополе. Лишь в 1992 г. по ходатайству крымчаков была создана и зарегистрирована религиозная община "Къаал Акодеш" по "Ритуалу Каффы".

В последние годы в ряде публикаций о крымчаках, как в русскоязычной литературе (31; 6), так и в работах израильских авторов (27) появился тезис о том, что крымчаки отказались от еврейского национального самосознания в силу "...стремления получить минимальные гарантии этносоциальной защиты" (6, с.67). По мнению М.Занда, это произошло во времена "черных лет советского еврейства (1948-1953 гг.)" (27, р. 398-399; 32, с. 53). При этом автор решил, что именно в середине 50-х гг. крымчаки, обратившись в органы верховной власти, получили право записывать в паспорте национальность "крымчак" (27, р. 398-399). Действительно, в середине 50-х гг. представители крымчаков обратились в Верховный Совет СССР с просьбой записывать им в паспорта национальность "крымчак", "крымчачка", как это делалось в 20-40-х гг. (33, с. 37). Это обращение было вызвано тем, что в послевоенные годы при обмене паспортов крымчакам стали вписывать в графу национальность - "еврей". Однако решить эту проблему до конца 80-х гг. не удавалось - советские органы власти на местах с завидным упорством доказывали просителям, что национальности "крымчак" не существует. Безусловно эта акция властей повлияла и на укрепление национального самосознания крымчаков. Но для того, чтобы понять суть проблемы, необходимо вновь возвратиться к реформам крымского иудаизма начала XVI в.

Д.Лехно, объясняя действия Моисея Га-Голе, призванного к интеграции разрозненные иудейские группы Каффы, подчеркнул важную деталь: "...и постановление гласит, что они не должны изменять обычай общины, а только молиться по своим возобновленным обычаям" (25, с. 232). Это первое упоминание о социальной организации крымчаков - общине, которая довлеет над религиозным сознанием крымчаков и является первоосновой их совместной жизни. Образ этой общины, просуществовавшей почти в неизменной форме до конца XIX в., достаточно подробно описан П.М.Лякубом (20; 21), о ее светском самоуправлении, имеющем даже решающее значение в назначении священнослужителей, сообщается в статье крымчакского просветителя первой половины нашего столетия И.С.Кая (34, с. 100-105).

Имеется любопытное свидетельство об этническом сознании крымчаков, относящееся к первой половине XVI в. Это письмо крымчакской общины Каффы к своим единоверцам в Карасубазаре. Оно было обнаружено в 70-х гг. XIX в. в общине Карасубазара Э.Дейнардом и опубликовано в его книге (35, с. 123-124), а затем попало на страницы другого издания (29, с. 61-63). Письмо касается одного европейского (в переводе он назван "немецким") еврея, ставшего служкой в молитвенном доме крымчаков Каффы, и возникшего в связи с этим конфликта, грозившего уходом двух священнослужителей. "И тогда, - говорится в письме, - всеми делами будет заведовать немецкий еврей Иосиф, присутствие которого вызывает у нас самые неприятные чувства: ведь нам известно, как мы относимся ко всем немецким евреям" (29, с. 62). И далее поясняются мотивы негативного отношения к "немецким евреям": "Повторяем, что пребывание того или иного немецкого еврея в синагоге совершенно безразлично с точки зрения сохранения в исправном виде здания: все немецкие евреи надолго не засиживаются на одном месте и, переселяясь, оставляют молитвенные дома на произвол судьбы" (29, с. 63). Подобное от-

ношение к "немецким евреям" всего лишь через несколько лет после того как М.Га-Голе в 1518 г. произвел реформацию ритуала и интегрировал в общину и ашкеназов (европейских евреев), поначалу кажется непонятным. В крымчакском языке для обозначения еврея существуют два термина: первый - "ашкеназ", второй - пейоратив - "чуфут" (36, с. 137). Сам же М.Га-Голе носит в крымчакской традиции и другое имя - Моисей Ашкинази (29, с. 124). Вероятно, после смерти реформатора (1520 г.) произошел новый раскол в общине Каффы. Что касается крымчаков общины Карасубазара, то она оформилась еще до написания "18 установлений" М.Га-Голе, т.к. строительная надпись на молитвенном доме Карасубазара дает дату окончания строительства в 1516 г. (29, с. 66). Очевидно, этим и объясняется негативное отношение к европейским евреям источника XVI в., и "привитие" крымчакской религиозной общине "Ритуала Каффы" лишь в 1837 г. в Карасубазаре. В пользу этого есть еще одно свидетельство, ранее не находившее объяснения и не учитывавшееся как абсурдное. Оно имеется в книге Г.А.Фарфеля и касается редакционной деятельности Д.Лехно при подготовке к печати "Ритуала Каффы": "Лехно писал, что раввин Моисей выработал 18 установлений. Эти установления были перепечатаны издателем "Гекармел" с рукописи раввина Бецалея Штерн в том виде, в котором последний списал их непосредственно с "Хазании". Но Лехно, перечисляя установления, пропустил одно из них. По рассказу его внука, Якова Лехно, Карасубазарского раввина, уехавшего в Палестину, то установление, которое предписывало всем евреям не вступать в родство с крымчаками, как происходящими от караимов, было умышленно выпущено автором "Хазании" (29, с. 105). Если принять это высказывание, то можно понять мотивы поведения членов общины, не позволивших пришлым евреям вливаться в свою среду вплоть до того времени, когда Д.Лехно не реформировал общинные и религиозные установления в конце 30-х гг. XVIII в. Это, очевидно, и проясняет столь малую численность этой общины Карасубазара к моменту присоединения Крыма к России и то обстоятельство, что онамастика крымчаков пополнилась некоторыми еврейскими фамилиями лишь в XIX в. (37).

Еще одним важным моментом в формировании этнического самосознания крымчаков было переселение большей части этноса в конце XV - начале XVI в. из Каффы и Солхата (Старый Крым) в Карасубазар. В Карасубазаре община поселилась компактно в восточной части города, которая еще в начале XX в. называлась "Крымчакской стороной" (38, с. 634). В течение последующих веков до начала XIX в. почти все крымчаки Крыма жили в Карасубазаре в окружении мусульманского и христианского населения. Указанные причины обусловили самоизоляцию и эндогамию общины, а следовательно, превращение ее в общину кровных родственников, что еще более способствовало укреплению крымчакского этнического самосознания. На это же влияли пережиточные верования и обычаи, упорно сохраняемые крымчаками от ранних периодов их этнической истории. Еще Д.Лехно отмечал: "Не только в народе, но и в сведущих кругах были распространены верования во сны и предзнаменования, хотя книжным людям было известно, что подобные вещи строго запрещаются религией" (23, с. 83).

Весьма ценны для понимания этнического самосознания крымчаков сведения, содержащиеся в статьях первого исследователя истории и этнографии этой общности П.М.Лякуба. Уже в первой заметке этого автора наметилась контраверза - "они" (крымчаки) и "мы" (евреи), которая присуща его публикациям о крымчаках. Поэтому большое внимание уделено автором вопросам религии

крымчаков, ведь, по его замечанию, "...одна лишь религия связывает крымчаков с евреями" (21, с. 1). Он постоянно подчеркивает, что несмотря на то, что крымчаки причислены к исповедующим ортодоксальный иудаизм, они "решительно не понимают молитв на древнебиблейском языке ... также далеки от Талмуда и несведущи в нем как и караимы" (21, с. 1). Сравнивая крымчаков и караимов, он отмечает, что "...между ними много общего: один язык - татарский, одни и те же нравы, привычки и весь жизненный обиход - тоже татарский" (21, с. 1). И далее приводит один любопытный штрих, свидетельствующий об этнической самоизоляции крымчаков. По его замечанию, получить подробные сведения о своих обычаях от представителей этой группы почти невозможно. Даже в том случае "...если между гостями случится лицо постороннее, будь то хотя бы и еврей, то речь пойдет обо всем, что хотите, только не о том, что затрагивает быт крымчаков ... они очень недовольны бывают расспросами о распорядках их жизни", - сокрушается автор (21, с. 11).

Хотя приведенные материалы далеко не исчерпывают все имеющиеся свидетельства об этническом самосознании крымчаков на протяжении последних пяти столетий, думается, что их достаточно для того, чтобы показать, как тесно переплелось оно с сознанием конфессиональным.

В последние два десятилетия как в русскоязычной, так и в зарубежной литературе было высказано несколько точек зрения об этнической принадлежности крымчаков. В 1983 г. В.Чернин определил крымчаков как этнографическую группу евреев (31, с. 94), что отражало общепринятое для конца 50-х - начала 60-х гг. мнение (39, с. 205)⁴. В 1987 г. этот автор несколько откорректировал свой взгляд, пояснив, что по ряду причин возможно превращение этнографической группы евреев, подобных крымчакам, в отдельный этнос (40, с. 26). У М.Куповецкого крымчаки определены в качестве "...особого еврейского субэтнуса" (6, с.66). Для М.Занда крымчаки - это еврейская неашкиназская община Крыма (27, р. 378). Представляется, что подобные подходы к определению этнической принадлежности не только упрощают проблему, но и противоречат данным, приведенным нами о конфессиональном сознании и этническом самосознании общности. Эти формы общественного сознания, в совокупности с другими, поддерживались социальной организацией - общиной крымчаков "Джемаат Кърымчаклар", стоящей на страже как этнических, так и конфессиональных интересов.

В религии крымчаков - иудаизме с ритуалом отправления культа, реформированном в Новое время, наблюдаются пережитки прежних верований (12; 41). Они активно выступают даже в таком обряде, как погребальный, в котором слились воедино иудейская молитва и древний гимн на крымчакском языке, обращен-

⁴ В нашем распоряжении имеются копии двух документов: "Ответ на запрос крымчака Коза о том, кто такие крымчаки", подписанном 9.02.1954 г. зав. сектором Европы Института этнографии АН СССР, профессором И.И.Чебоксаровым и "Ответ Совета национальностей Верховного Совета СССР" от 9.02.1955 г. "О крымчаках" на основании справки профессора Г.Ф.Дебеца. По мнению И.И.Чебоксарова, "крымчаки представляют собой небольшую этническую группу, живущую в Крыму", происхождение которой почти не изучено. Г.Ф.Дебеч сообщает о крымчаках, как о "немногочисленной, но самостоятельной национальности". Эти справки, как и обращение крымчаков в Верховный Совет СССР, стали реакцией на энциклопедическую статью "Крымчаки" в Большой Советской Энциклопедии (М., 1954. Т.23. С.562), где они представлены "немногочисленной этнографической группой евреев". Подобная трактовка попадает и на страницы этнографической литературы (39, с. 205)

ный к тюркскому божеству Тангры; тризна с алкогольными напитками на кладбище и в доме покойного, которую освещает крымчакский священнослужитель - Ребы (13, с. 193-198).

В связи с указанными причинами принадлежность к своей общности стала для крымчаков показателем собственной этничности, отличающей их как от людей родственных по языку, но отличных по конфессии, так и близких по исповедуемому культу, но чуждых по самосознанию.

Самоизоляция имела для группы далеко идущие последствия как социальные, так и демографические. Она привела к эндогамии и кровнородственным связям небольшой по численности общности. В результате этого этническое самосознание еще более укреплялось, являясь не только отражением переживаний общей судьбы в отдаленные времена, но и сознанием родственной близости в настоящем.

Социальная организация - "Джемаат Кърымчахлар" - поддерживала равновесие между этническим и конфессиональным сознанием. Естественная потребность этноса к увеличению своих членов за счет ассимиляции и аккультурации (43, с. 7-9) позволяла время от времени реформировать некоторые части конфессионального ритуала, при этом происходило воздействие на некоторые элементы, как религиозного, так и этнического сознания. Примером тому редакторская деятельность Д.Лехно, пояснявшего во "Введении к Ритуалу Каффы" конфессиональную близость евреев и крымчаков и условия, на которых евреи могли вступить в крымчакскую общину, не оставлявшие для последних возможности сохранить свое этническое самосознание.

Все это, на наш взгляд, позволяет говорить о крымчаках как об этноконфессиональной общности, сложившейся в Крыму в начале XVI в. из разноэтничных элементов, в том числе и еврейских, на основе реформированного иудейского ритуала, сохранившего часть прежних языческих традиций, единой социальной организации и локального поселения. Процесс формирования этнической общности проходил на фоне укрепления крымскотатарской государственности и, отчасти, сходных условиях формирования крымскотатарского этноса. Лояльное отношение к представителям "яхудиер Карасу"⁵ администрации Крымского ханства способствовало укреплению социальной организации и экономической стабильности крымчакской общины.

Представляется, что высказанная точка зрения на этническую принадлежность крымчаков не противоречит теоретическим выводам российских этнографов о механизмах формирования и существования этноконфессиональных общностей (44, с. 29-45)⁶. Начиная с 20-х гг. нашего столетия в силу известных обстоятельств произошел ряд процессов, приведших крымчаков к почти полной потере религиозного сознания, родного языка, социальной организации. Этническое самосознание продолжает существовать среди представителей этой общности. Непременным условием его сохранения являлись и продолжают быть знания своей истории, этнографии и религии. Поэтому уже в XX в. в среде крымчаков появлялись просве-

⁵ Так, в грамотах Крымских ханов названы представители иудейской общины Карасубазара.

⁶ Механизм складывания этноконфессиональной общности (подобной крымчакской) как формы этнической группы подробно рассмотрен Л.И.Шерстовой (44, с. 34 и далее).

тител и (в 20-х гг. и в 1989 г.) возникали культурно-просветительские общества, которые, по сути, замещали прежнюю общинную организацию*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плисецкий М. Исторические корни и сущность иудаизма // Религиозные верования народов СССР. Сб. этнографических материалов. М.-Л., 1931. Т.2.
2. Беленький М.С. Об иудаизме. Основные моменты истории иудаизма // * Критика иудейской религии. М., 1962.
3. Донин Х. Быть евреем. Ростов-на-Дону, 1991.
4. Хершак Э., Кумпес Й. Два типа этничности (хорватский и сербский примеры) // ЭО. 1993. №4.
5. Маггид Д. Евреи в Крыму // История евреев. М., 1921. Т. XII.
6. Куповецкий М.С. К этнической истории крымчаков // Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). М., 1989.
7. Кан М. Евреи второй половины XX века в зеркале статистики // Еврейский исторический альманах. 1989. №1 (самиздат).
8. Радышевский Д. Иваны-иудеи // Московские новости. 1991. №4.
9. Мататов М.Е. К вопросу о татском этносе // СЭ. 1981. №5.
10. Филоненко В.И. Крымчацкие этюды // Rocznik orientalistyczny. 1972. Т.35. Z.1.
11. Ачкинази И.В. К вопросу об этногенезе крымчаков в советской историографии // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990.
12. Ачкинази И.В. Крымчаки. Историографический обзор по публикациям XIX - начала XX в. // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь, 1991.
13. Ачкинази И.В. Погребальный обряд крымчаков // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.
14. Хафуз М.Э. Караимы. Историко-этнографические очерки // Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. 14. М., 1993. Кн.4.
15. Полканов А.И. Крымские караимы. Бахчисарай, 1994.
16. Полканов Ю.А. Обряды и обычаи крымских караимов-тюрков: женидьба, рождение ребенка, похороны. Бахчисарай, 1994.
17. Белый О.Б. Из истории караимской общины в конце XVIII - начале XX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГАРК) // Крымский музей. Симферополь, 1995. №1.
18. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1861. Т.34, №34818.
19. Куповецкий М.С. Динамика численности и расселения караимов и крымчаков за последние 200 лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
20. Лякуб П.М. Крымчаки // Рассвет. 1860. №13.
21. Лякуб П.М. Еврей-крымчаки. Этнографический очерк // Книжки журнала "Восход". 1891. №4-9. Апрель-сентябрь.
22. Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей. СПб., 1884.
23. Берлин И.З. Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства. Петербург, 1919.
24. Starkova C.B. Les plus anciens manuscrits de la bible dans la collection de l'Institut des etudes orientales de l'Academie des sciences de l'URSS // La paleographie hebraique medievale. Paris, 1972.

* Ценностные ориентиры менялись в зависимости от проблем, связанных как с внешним, так и внутренним состоянием группы: первое культурно-просветительское общество выступало против религии и стремилось интегрировать крымчаков в "общую семью народов СССР", второе же ставит целью возрождение родного языка и культуры, а также конфессиональной основы, воссоздав не только "Джемаат кырымчахлар", но и религиозное братство "Къаал Акочеш"

25. Harkavy. Die Altjudisehen Denkmaler der Krim. СПб., 1876 (Пер. В.Л. Вихновича).
26. Лернер О.М. Евреи в Новороссийском крае. Исторические очерки. По данным из архива бывшего Новороссийского генерал-губернатора. Одесса, 1901.
27. Zand M. Notes on the Culture of the Non-Ashkenazi Jewish Communities Under Soviet Rule // Y.Roi, A.Beker (eds.) Jewish culture and identity in the Soviet Union. New-York and London, 1991.
28. Каппа А. Среди крымчаков // Книжки журнала "Восход". 1901. Август.
29. Фарфель Г.А. Древняя еврейская синагога, найденная в городе Феодосии. Феодосия, 1917.
30. Ачкинази Б.М. О крымчаках // Крымская АССР (1921-1945). Вопросы, ответы. Симферополь, 1990. Вып.3.
31. Чернин В.Ю. О появлении этнонима "крымчак" и понятия "крымчакский язык" // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
32. Zand M. L'agonie des krymthchaks // Regards. 1991. №278.
33. Ачкинази Б.М. Крымчаки // Крым многонациональный. Вопросы, ответы. Симферополь, 1988. Вып.1.
34. Кая И.С. По поводу одной крымчакской рукописи // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т.1 (58).
35. Дейнард Э. Массо Крым. Варшава, 1878.
36. Чернин В.Ю. О некоторых пейоративных этнонимах у крымчаков // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников. Языкознание. М., 1988.
37. Вайсенберг С.А. Фамилии караимов и крымчаков // Еврейская старина. 1913. Вып. III.
38. Крым. Путеводитель. Симферополь, 1914.
39. Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958.
40. Чернин В.Ю. Элементы языковой ситуации в этнодисперсных группах (на примере субэтнических групп евреев) // Еврейский исторический альманах. М., 1987. №1.
41. Лебедев В.В. Материалы по крымчакскому языку и фольклору в собрании Е.И. Пейсаха // Вопросы советской тюркологии. Тез. докл. и сообщ. Ашхабад, 1985.
42. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
43. Бузин В.С. Энос как симптом и этнос как сублимация // Этническая история народов России (X-XX вв.). Кратк. содерж. докл. СПб., 1993.
44. Шерстова Л.И. Этноконфессиональная общность. К проблеме эволюции субэтносов // Расы и народы. М., 1991. №21.

ACHKINAZI I.V.

ON THE PROBLEM OF ETHNIC ATTRIBUTION OF THE KRYMCHAKS

Summary

There is a problem to define the ethnic affiliation of the Krymchaks. Many scholars who studied different aspects of the Krymchaks' history and culture proceeded on confession factor, ignoring some medieval, modern and contemporary sources, testifying the Krymchaks consciousness, characteristic for the representatives of this Crimean commonality. Those scholars believed that Turk language, Turk elements in clothes, ways of life and traditions were the result of Tatars' influence. Studying the aggregate of confession and ethnic components enables us to draw to a conclusion that the Krymchaks are an ethnoconfessional commonality, which was formed in the Medieval period of the history of the Crimea on the basis of reformed Jewish rite at the beginning of the 16th century from the representatives of different ethnic groups - long-time resident Turk Jewish community that survived from the Khazar period of Crimean history and integrated some families of Kievan and Genoese Jews.